

Из воспоминаний

«ТЕАТРА НЕМЕРКНУВШИЙ СВЕТ»

(К 75-летию Южно-Енисейского приискового клуба «Красный Октябрь»)

Южно-Енисейский клуб «Красный Октябрь» начинает свой отсчет с 1935 года. Поражаешься архитектурной, функциональной продуманности строителей: сцена с «оркестровой ямой», планшет с механическим кругом, позволяющим быструю смену мест действия, декораций. Удобный зрительный зал, даже с боковыми ложами. К слову сказать, даже в Москве есть еще театры, не имеющие механического круга. Позволю себе цитату из статьи Л. В. Киселева «Театра немеркнувший свет» (к 175-летию Енисейской губернии) в газете «Красноярский рабочий» от 23.08.1997 г.

«Театральная жизнь на Удерее оказала свое влияние на выбор творческого пути многих людей. В годы войны на сцене Удерейского театра начинал пробовать свои творческие силы молодой Тойво Ряннель, ныне известный народный художник России. Не без влияния приискового театра сложилась творческая судьба заслуженного художника России Владимира Зеленова... заслуженного деятеля искусств Василия Киселева...».

Дальше поведу речь о своих личных воспоминаниях о приисковом клубе «Красный Октябрь». Бурная творческая жизнь его началась с появления там творческой пары Н. М. Сперанской и Д. П. Сви́дёрского, покинувших театр Волгограда по призыву организации художественной самодеятельности на периферии. Молодая семейная пара энергично взялась за дело. Замечательно то, что начали они серьезно, ответственно – с классического репертуара: Островского, Чехова, Горького, Шиллера, Гольдони и т. д. Умно, профессионально понимали: воспитать «труппу» можно только на добротной, драматургической основе. А откуда «артисты»? Жители поселка – учителя, служащие, старшеклассники, рабочие. В работе не делали скидок ни себе, ни участникам, ставя спектакли, играя в них главные роли. К художественному оформлению спектаклей, к их аксессуарам – реквизиту, костюмам, парикам, гриму – требования были без снисхождения на самодеятельность.

С их приходом шла четко организованная работа репетиций, выпуска спектаклей. Достаточно сказать, что в один месяц иногда показывали до 20 спектаклей, т.е. план обычного городского театра!

Как я сейчас понимаю (посвятив профессиональному театру четверть века), Н. М. Сперанская была актриса редкого таланта. Амплуа – лирико-драматическая героиня. Обаятельная блондинка отличных внешних данных, интеллигентная, умная, органичная, эмоциональная. Д. П. Сви́дёрский внешне эффектный: высокий, стройный, с крупными выразительными чертами лица, большой густой черной шевелюрой, но с определенными актерскими штампами. Этаким социальный романтический герой театра «представления». Тем не менее, его

Реварес в «Оводе» потрясал: я этот спектакль смотрел неоднократно, и каждый раз с неизменным волнением. Впечатление от спектакля было настолько сильным, что я всю творческую жизнь мечтал поставить «Овод», одновременно боясь чего-то. Так и осталась эта мечта нереализованной. До сих пор не могу без слез смотреть (в одноименном телефильме режиссера Машенко) сцены встреч в тюрьме Ревареса и кардинала Монтанелли и сцену расстрела...

В роли Кручининной в спектакле «Без вины виноватые» Сперанская (сейчас и не верится, что она играла ее в возрасте менее 30 лет) достигала трагических высот. Было редкое сочетание личностного и профессионального лиризма и драматизма. Позже я долго подходил к оценке театральных актрис по мерке Наталии Михайловны (знала бы она!).

Не все я видел спектакли, но уже кроме упомянутых, удалось посмотреть «Чудесный сплав», «Чужой ребенок», «Ванька-клоушник», «Медвежья свадьба», «Слуга двух господ».

В спектакле по пьесе К. Гольдони слугу Труфальдино блистательно играл Броня Мурзин, учащийся 9 класса. Сколько бы потом я ни видел разных профессиональных исполнителей этой роли – никто с ним (для меня, конечно) не мог сравниться. О нем следует еще добавить.

Броня (Бронислав) – хорошего роста, стройный, пластичный, но с лицом «простака» (с чуть вздернутым носом). Было впечатление, что он, играя «простаков», комедийные роли, в жизни намеренно подчеркивал серьезность, полную отстраненность от играемых персонажей. Все та же примета времени, этики поведения. Сейчас, наоборот, артисты (и не только они), испытав малейший успех, «куют, пока горячо», выжимая дивиденды из «имиджа».

Броня во время войны в 1943 году, после 9-го класса, вместе с десятиклассниками В. Сысуевым, С. Меркурьевым попали в разные военные училища, мечтая о морских. Виктор и Слава – в Каспийское училище морской береговой обороны, а Броня – в училище морской авиации, после краткого обучения – в действующую часть. В письме Славе Броня писал (об этом мне со слезами на глазах рассказывал Вик-

тор Сысуев в Севастополе, где мы встречались в 80-е годы), что он по сравнению с ними – «большой» моряк, если что – погибать придется в море... Предугадал свою судьбу – так и погиб!

Можно только предполагать, в какую крупную творческую личность сформировался бы Броня Мурзин, если бы не его последняя трагическая роль в небе над морем...

Когда говорят о личных серьезных потерях в Отечественной войне, для меня они: Сеня (двоюродный брат) и Броня Мурзин.

Вспоминается эпизод, связанный с ним. Учился я, кажется, в 5 классе, и однажды около клуба (до сих пор помню это место) Броня остановил меня каким-то вопросом. Я обомлел не столько от неожиданности, сколько от невероятности: рядом мой кумир и что-то спрашивает. Волнение было так велико, что мои глаза заволокло слезами, горло перехватило, язык онемел. Стою, даже его еле вижу и беззвучно рот открываю. Он, видно, понял мое состояние или принял меня за немца, не дожидаясь ответа, быстро отошел, а я еще минуту стоял столбом.

Его младшая сестра Клава, моя одноклассница, замечательно читала в концерте художественной самодеятельности рассказ А. Чехова «Ванька Жуков»(!). Одним словом, природно талантливая, творческая семья...

Как все взаимосвязано: через пять лет, когда в клубе решили восстановить «Слугу двух господ», Сперанская пригласила меня на разговор, предлагая прорепетировать роль Труфальдино! Приметила она меня в концертах школьной самодеятельности, где я с успехом играл в скетчах, даже вел конференс, читал сатирико-юмористическую поэму военной темы. И сейчас помню текст (немцы план составляют):

*«В три пятнадцать – наступленье
На советское селенье.*

*Ровно в пять – село занято,
Флаг империи поднять!..»*
и так далее.

Поэма написана от лица русского старика-партизана. Я напялил на себя драную, подпоясанную веревкой шубенку, шапку (одно ухо – вверх, другое – вниз), залатанные валенки, прицепил из пакли бородавку. Чувствовал себя свободно, раскрепощенно, зал смеялся и аплодировал.

После концерта (в клубе) Сви́дёрский подошел ко мне, похвалил и все-таки заметил: «Только чего-то старик у тебя больно прыткий?». Стоящий рядом Тойво Васильевич Ряннель (учитель рисования, сам активный

(Окончание на 6-й стр.).

«ТЕАТРА НЕМЕРКНУВШИЙ СВЕТ»

(Окончание. Нач. на 5-й стр.).

участник спектаклей), явно довольный успехом своего подопечного (я занимался у него в кружке ИЗО), взял меня под защиту: «Есть, есть такие шустрые Шукари!». И верно: я и «работал» под Шукаря (персонажа «Поднятой целины» М. Шолохова).

Лестно было приглашению на серьезную работу, да еще на замену самого Брони, но... шла весна 1948 года, я заканчивал 10-й класс, собирался ехать в Ленинград. Отказался!..

Добавляя о влиянии на меня творческой атмосферы жизни школы, клуба, невозможно не вспомнить Везу Павловича Анонена, которого я считаю крестником в выборе профессии театрального режиссера. Определенно, при общении с ним на репетициях наших школьных спектаклей, беседах формировалось мое решение посвятить свою жизнь этому древнему искусству. И как ни крутила меня судьба (сначала получил высшее военноморское образование), именно эта «закваска» все равно привела меня в театральный институт.

Горько вспоминать о последней нашей встрече с Везой Павловичем летом 2009 года. Его мощный, творческий разум стал давать сбои. Я не со-

всем был уверен, что он узнал меня, но вдруг, в миг какого-то просветления, он сказал: «А славно, дружно мы жили... все любил театр, хотели стать артистами...». Прощаясь, я обнял его, понимая – больше не увидимся! Уход его из жизни в текущем году – утрата чего-то очень сокровенного, личное горе.

Ему можно посвятить отдельные, более обстоятельные страницы воспоминаний, однако вернусь к главной теме, рассказу о замечательных создателях приискового театра, которые достойны памятника в Южно-Енисейске.

В завершение добавлю информацию из газет Красноярья о Н. М. Сперанской в 1987 году. В полувековой юбилей своего «рабочего театра» Наталия Михайловна приехала в Красноярск (Д. П. Сви́дeрский давно умер) к брату Хахалеву П. М.

В тот год ей исполнилось 75 лет! В Красноярске оказалось немало ее бывших «воспитанников».

В. П. Анонен с женой прилетели из Мотыгино. Собирались в ресторане «Бирюса» (человек 50!) на юбилей театра, чествование своего художественного руководителя. Тосты, воспоминания, объяснения в любви все такой же энергичной духом Наталии

Михайловне. Спонтанно драмкружковцы совместно со Сперанской импровизационно проиграли сцены из спектаклей «Без вины виноватые», «Не все коту масленица», «Коварство и любовь». Потом – песни довоенных лет, стихи, танцы, пляска! Стихи кружковца М. Шутова, прозвучавшие на вечере, точно формулируют «дух» предвоенного приискового поколения:

Мы тогда по золоту ходили,

А в карманах не было на жизнь.

Но богатством, как огнем на льдине,

Мы надежно с другом запаслись!

Собравшиеся на юбилей таежного самодеятельного театра решили эти встречи продолжить. Но наступили тяжелые времена пика «перестройки», и еще раз собраться вместе было архисложно, да и Наталии Михайловне шел уже девятый десяток лет... Ах, как я жалею, что не смог побывать на этой встрече!

... В последние годы, посещая с братом Южно-Енисейск, мы так и не решились переступить порог другого здания клуба «Красный Октябрь».

Впрочем, на двери его постоянно висел дверной замок...

Василий КИСЕЛЕВ,
заслуженный деятель искусств
РСФСР.